

Ю. А. Сафонова
Москва, Россия

ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ОБИХОДА И ЕГО СЛОВЕСНЫЙ РЕПЕРТУАР

АННОТАЦИЯ. Рецензия на кн.: Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2 т. — СПб.: Златоуст, 2017. — Т. 1. — 528 с.; Т. 2. — 532 с. Представлена общая характеристика «Толкового словаря русской разговорно-обиходной речи» В. В. Химика. Автор представляет лексико-семантический корпус разговорно-обиходной речи как разновидности национального русского языка, следуя заданным границам. Верхняя граница — литературная норма (т. е. языковой стандарт), нейтральная лексика и базовая грамматика русского языка. Нижняя граница — градуированный отсчет меры, или степени снижения слов и значений (от минимальной сниженности — слова свободного употребления до предельно низких обценных единиц — сквернословие, мат, недопустимые и запретные в публичной речи). Детально разработанная система пересекающихся помет позволяет оценить репертуар говорящего (и тем самым самого говорящего) и соответствие этого репертуара общественным конвенциям. Таким образом, языковой стандарт выступает фоном для корпуса словаря, демонстрирующего единицы разговорно-обиходной речи не в химически чистых условиях, а в предлагаемых, более того — диктуемых языковым обиходом обстоятельствах. Такой подход важен при производстве лингвистических экспертиз спорных текстов, поэтому рецензируемый словарь — необходимый инструмент для эксперта-лингвиста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: разговорно-обиходная речь; практическая лексикография; русский язык; толковые словари; лингвистическая экспертиза.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Сафонова Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, научный консультант портала «Грамота.ру»; 129343, Россия, Москва, до востребования; e-mail: nsafo@mail.ru.

Со стихией всегда трудно... Со стихией разговорного языка — тем паче... Особенно если ей противостоять или пенять на ее несовершенство, общественное, эстетическое или собственно языковое. Позволим процитировать хрестоматийные слова И. А. Бодуэна де Куртенэ и менее известное высказывание академика О. Н. Трубачева. «...Полная лексикографическая объективность требует внесения в серьезный словарь „живого языка“ так называемых „неприличных“ слов, „сквернословий“, „ругательств“, „мерзостей площадного жаргона“ и т. д. Лексикограф не имеет права урезывать и кастрировать живой язык. Раз известные слова (сквернословие, ругательства, мерзости площадного жаргона) существуют в умах громадного большинства народа и беспрестанно выливаются наружу, лексикограф обязан занести их в словарь, хотя бы против этого восставали и притворно негодовали все лицемеры и тартюфы, являющиеся обыкновенно большими любителями сальностей по секрету... Как по поговорке из песни слова не выкинешь, так и из словаря живой речи нельзя выкинуть даже тех слов, которые режут ухо» [Бодуэн де Куртенэ 1999: VI].

«Эти [нелитературные] слова существуют и вполне заслуживают фиксации и выяснения их этимологии. Известный смысл, быть может, ложно понятый, их невключения в толковые словари общенародного языка заключался в ощущении того, что на этой лексике лежит печать аргю, просторечия, что в общенародном языке их как бы нет и они должны фиксироваться иным путем» [Трубачев 1965: 131].

У автора рецензируемого Словаря задача, что совершенно очевидно, иная — описать, зафиксировав, эту стихию в лексико-

графическом формате. Определив в эпиграфе замысел Словаря как «возможность навести справки», автор явно поскромничал — его Словарю присущи «четкая очерченность границ понятия» и, как следствие, «строгая ограниченность корпуса словаря».

Рецензируемый Словарь (далее — Словарь-2) — продолжение вышедшего в 2004 г. «Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи» [Химик 2004, далее — Словарь-1], тираж которого, 5000 экз., как оказалось, не удовлетворил читательский спрос. См. также замечание В. В. Химика: «Издание является в некотором роде продолжением (расширенным, дополненным, исправленным) „Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи“» [Химик 2017, т. 1: 4]. Изменился формат Словаря-2 (теперь он в двух томах), изменилось название — в нынешнем варианте не упомянута экспрессивность. Наша речь стала сдержанней? Конечно, нет.

Автор представляет, лексикографически описывая, лексико-семантический корпус разговорно-обиходной речи как разновидность национального русского языка, которую носители русского языка используют в «повседневном общении друзей и родственников, в бытовых разговорах знакомых людей, неформальных диалогах в разнообразных бытовых ситуациях...», которая регулируется исключительно целями общения, уровнем общей и речевой культуры говорящих, этическими и эстетическими предпочтениями, а также, разумеется, актуальной речевой традицией: «так говорят» [Химик 2017, т. 1: 4]. Таким образом, зафиксирована речь, которая не поддается официальному регламентированию со стороны общества (= определенному принуждению, закреплению пись-

менно), а регулируется так называемыми неписаными законами и определяется желанием, умением, потребностями самого носителя и неписаными общественными законами/конвенциями — «так не говорят со старшими», «не ругайся, здесь дети и женщины», «с родителями будешь так разговаривать», «давайте не выражаться — мы в эфире» и под.

Прежде чем представить заданные В. В. Химиком границы описания разговорно-обиходной речи, напомним один лингвистический анекдот. В 1956 г. гражданин ФРГ Макс Фасмер (он же до октября 1917 г. подданный Российской империи Максимилиан Романович Фасмер) впервые после Второй мировой войны посещает Москву, через два года, в 1958 г., в Москве же, на IV Международном съезде славистов возникает идея создания русского перевода этимологического словаря. Перевод осуществил Олег Николаевич Трубочев. «С Фасмером-человеком я познакомился лично — в дни работы Международного комитета славистов в Москве. Русский язык Фасмер знал и говорил на нем так, как говорят на родном языке, и происшедший затем отрыв был для него отрывом от родины (так, запомнилось, что он трогательно и несколько забавно сокрушался, что из-за этого не знает, как он выразился, нашей „трамвайной терминологии“, и я до сих пор так и не понимаю, что же он имел в виду — лексику вождения трамвая, что сомнительно, или непринужденные трамвайные диалоги)» [Трубочев 1986: 566].

Представить репертуар разговорно-обиходной речи — задача не из легких, и решать ее можно разными способами: можно ограничиться тематикой (неформальные беседы, например, на тему «Политика» или «Как готовить пельмени»), можно включить в словник те слова и выражения, которые по каким-либо причинам были пропущены в предшествующих лексикографических источниках (а таких единиц хватает, их «выше крыши»); можно, в конце концов, ограничиться только сниженной лексикой (подобные сборники — ходовой товар, а по качеству они представляют собой, что называется, «полный абзац»).

Автор выбирает научно обоснованный собирательный подход (см. Предисловие, список научной литературы, словарных источников [Химик 2017, т. 1: 4—9, т. 2: 513], а также работы самого автора [Химик 2000; 2005]), в наибольшей мере соответствующий сущностной стихийности разговорно-обиходной речи. Такой подход позволяет объединить «все множество разговорной (в широком смысле) лексики и фразеологии, семан-

тики и функционирования: от минимально сниженной разговорно-литературной и тяготеющей к ней фамильярной до предельно сниженной или низкой: грубой, вульгарной и обценной» [Химик 2017, т. 1: 5]. Объединение, собирательность вовсе не значат бессистемной эклектики: автор определяет границы фиксируемого материала и строго придерживается их.

«Верхняя» граница, очерченная автором, — «литературная норма, так называемый языковой стандарт: нейтральная лексика и базовая грамматика русского языка» [Химик 2017, т. 1: 9]. Именно языковой стандарт выступает фоном для корпуса словаря, демонстрирующего слова, значения слов, обороты не в химически чистых условиях, а в предлагаемых, более того — диктуемых языковым обиходом обстоятельствах.

Соответственно, если литературная публичная речь (языковой стандарт) предполагает сдержанность и обусловленные ею нейтральные средства выражения, то разговорно-обиходная речь предпочитает экспрессивность, стилистически и социально окрашенную лексику. Если в литературно-публичной речи — точность номинаций, отсутствие какого-либо намека на многозначность, конкретика, то в разговорно-обиходной — обширные ряды синонимов как реализация языковой демократии, обусловленной типовыми обстоятельствами обихода и правом выбора говорящим языкового средства по своему вкусу.

«Нижняя» граница — «отсчет меры, или степени снижения слов и значений» — градуирована: «1) минимальная сниженность разговорно-литературной лексики (слова свободного употребления); 2) умеренная сниженность разговорно-фамильярных номинаций (слова ограниченного употребления); 3) резкая сниженность грубых и вульгарных слов и устойчивых сочетаний (резко ограниченного использования); 4) предельно низкие обценные единицы [= традиционное русское сквернословие, недопустимое в публичной речи в принципе; маргинальные слова и выражения, недопустимые, запретные для употребления, особенно публично (=табуированное сквернословие)]» [Химик 2017, т. 1: 6, 7].

Таким образом, в Словаре-2 отражена как позиция говорящего (тональность его речи — шутливая, неодобрительная и пр.), так и оценка способа выражения со стороны наблюдателя — фамильярная, сниженная и пр., обусловленная сложившимся языковым стандартом. По сути, пересекающаяся система помет позволяет оценить репертуар говорящего (и тем самым самого говоряще-

го) и соответствие этого репертуара общественным конвенциям (что значимо, например, для анализа спорных текстов при производстве лингвистической, психолого-лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, об унижении чести и достоинства).

«Низкие» слова (мат, сквернословие) интересны автору не как таковые, не из любопытства, — они представлены как неотъемлемый репертуар определенных типовых ситуаций (= предлагаемых обиходом обстоятельств), в которых такая лексика составляет норму речевого поведения, и эти ситуации, как, например, заметил А. Герд, «носят как общенародный характер, так и характер социально замкнутый» [Герд 2005: 619].

В полной мере такой подход отражен в переработанных в Словаре-2 статьях *мат*, *матерщина*. Автор впервые (!!!) в русской лексикографии фиксирует два значения этих слов, выделяя собственно исторически сложившийся корпус такой лексики (1 значение и этимологическая справка) и его употребление (2 значение). Пользователю/читателю представлены, таким образом, репертуар мата и оценка его реализации (степень снижения речи):

МАТ... 1. Слова, сочетания слов, идиомы и выражения традиционного русского языка, исторически и конвенционально признанные непристойными, неприличными, бранными, особенно в условиях публичного употребления. □ Основной источник — семь слов (ХУЙ, ПИЗДА, МАНДА, ЕЛДА, МУДЕ, ЕБАТЬ, БЛЯДЬ) из естественного обиходно-бытового оборота и национального языческого (кроме последнего слова, более позднего образования) периода истории русской речевой культуры, пересмысленных затем как непристойные и оскорбительные (обсценные); постепенно группа расширилась за счет многочисленных производных форм, слов и идиом; большинство из последних группируются вокруг базовой экспрессивной формулы *Ёб твою мать!* и бесчисленного множества ее вариантов...

2. Грубая, крайне оскорбительная, нецензурная брань, сквернословие или непристойное выражение эмоций с использованием обсценных слов, сочетаний и выражений (см. 1 зн.) [Химик 2017, т. 1: 430];

МАТЕРЩИНА... = *Мат* [Химик 2017, т. 1: 431].

Ср. толкования *мат*, *матерщина* в так называемых базовых толковых словарях русского языка:

МАТЕРЩИ'НА — (вульг.). *Матерная брань* [СУ, т. 2: 161]; слово «мат» в Словаре

Ушакова не зафиксировано;

МАТ *Прост. Неприличная, матерная брань* [МАС, т. 2: 235];

МАТ *Матерная брань; сквернословие* [БАС-1, т. 6: 689];

МАТ *Нецензурная брань* [СОШ: 345];

МАТ *Нецензурная брань* [Русский семантический словарь, т. 3: 302];

МАТ (*прост. груб.*). *Неприличная брань* [ТСШ];

МАТ *Прост. Матерная брань; сквернословие* [БАС-3, т. 9: 580].

См. также: МАТ — *Прост. Неприличная брань, сквернословие* [Мокиенко, Никитина, 2003: 196].

Заметим, что как нейтральное и общеупотребительное слово *мат* дано в [Словарь современного русского города 2003: 274].

Выделенный компонент второго значения слова *мат* ('непристойное выражение эмоций с использованием обсценных слов, сочетаний и выражений') экспертно значим: при производстве лингвистических экспертиз важно помнить, что употребление мата может выражать позитивные оценки и эмоции (= коммуникативная цель — выразить одобрение), в таком случае речь идет об уровне речевой культуры говорящего/пишущего, а не о так называемых языковых преступлениях [см. об этом: Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016].

В Словаре-2 исправлена стилистическая характеристика слов *материть*, *материться*, *матерно*, *матерный*, *матерщина*, *матерщинить*, *матерщинничать*, *матерщинный*: нет пометы *разг.-сниж.* (которой эти слова были отмечены в Словаре-1), что представляется совершенно правильным — помета *разг.-сниж.* относится не к словам как к таковым, не к номинациям, а к самим процессам, признакам, которые поименованы. Так, дано соответствующее языковому обиходу и стилистической отнесенности толкование слова *матерный* — «относящийся к мату, содержащий мат» [Химик 2017, т. 1: 431]. Ср., например, зауженное толкование и необоснованную стилистическую характеристику *матерный*: «прост. Неприличный, содержащий в себе непристойно-оскорбительное употребление слова „мать“» [БАС-3, т. 9: 591]. Эта, как может показаться, «мелочь» значима для экспертной работы: при анализе материала эксперт должен использовать нейтральную лексику, соответственно, отнесенность слов *матерный*, *матерщинный* к лексике просторечной ограничивало использование этих слов в экспертных исследованиях. К просторечным, вероятно, можно отнести прилагательные *матный*, *матушный*,

матюжный, упомянутые, например, в «Большом словаре мата» [Плуцер-Сарно 2001: 75]; *матюжный*, зафиксированное в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ, вып. 18: 41].

Все многообразие и пестрота словника, данного в алфавитном порядке, организованы в определенные множества прежде всего при помощи системы помет, характеризующих разные аспекты бытования слова: *экспрессивно-эмоциональный, профессиональный, территориальный; этически неприемлемый, допустимый/недопустимый* (= степень снижения слова — *вульгарное, грубое, сниженное, бранное, сквернословие*); *возрастной; жаргонный* и др. Многоаспектная характеристика дополнена отсылкой к синонимам (выделены шрифтом), а также посредством условных знаков для иллюстративной зоны словарной статьи: форма бытования — письменная/устная; тексты письменные: художественный/публицистический /интернет-тексты; тексты устные: тексты художественных фильмов, радио и телевидения, живой речи и городского фольклора; ближайшее фразеологическое окружение.

Где же автор находит нужные единицы обихода, откуда черпает репертуар Словаря-2? Список источников иллюстраций включает более 600 (!) авторов, среди которых классики (Пушкин, Гоголь, Чехов, Шолохов), участники Великой Отечественной войны (Бондарев, Некрасов, Богомолов, Симонов, Гранин, Окуджава), знатоки значных мест (Гиляровский, Пантелеев), писатели, чей жизненный опыт, отраженный в произведениях, включал места не столь отдаленные (Шаламов, Солженицын), современные литераторы, писатели, беллетристы (Войнович, Довлатов, Жванецкий, Ерофеевы — и Венечка, и Виктор, Ю. Алешковский, Губерман; Варламов, Аксенов, Садулаев, Прилепин, Терехов, Улицкая, Лимонов, Пелевин, Рубина, Пьецух, Седакова, Екимов и Шаргунов, ныне депутат ГД); актеры и режиссеры (Смехов, Юрский, Розовский, Рецептор); ученые, среди которых лингвисты, социологи (Чудакова, Лакшин, Чупринин, Капанадзе, Фрумкина, Мелетинский, Тимофеев-Ресовский, Вахтин, Дубин, Жолковский); песенные тексты (Высоцкий, Макаревич, Розенбаум, Гребенщиков, Шаов), которые почему-то традиционно не учитываются словарями; лексикографические источники (Щуплов, Юганов, Грачев, Елистратов).

В Словаре-2 переработаны многие словарные статьи, в которых автор последовательно отражает развитие значений. Так, статья *крыша* Словаря-1 представлена в

Словаре-2 двумя статьями:

*КРЫША*₁... Шутл. или ирон. О голове, мозге, об умственных способностях человека (и ближайшее фразеологическое окружение);

*КРЫША*₂... 1. Жарг. Прикрытие, охрана от нападения, рэкета (обычно скрытая, иногда нелегальная)... 2. Организация, предприятие, люди, осуществляющие охрану объекта, группы лиц или обеспечивающие поддержку, покровительство (обычно неявное, часто незаконное) [Химик 2017, т. 1: 388].

Словарь-2 — насущно необходимый лексикографический источник для экспертов-лингвистов, поэтому обратим внимание на некоторые экспертно значимые статьи.

Так, в статье МАЙДАН зафиксировано новое значение слова: «Перен. Журн. Выражение массового политического протеста в виде длительного пребывания его участников в определенном месте (обычно на городской площади, с выдвижением ультимативных социальных и/или политических требований к власти). □ От укр. назв. площади Майдан Незалежности в центре г. Киева, где такие акции проходят с 2004 г.» [Химик 2017, т. 1: 420]. *Майдан* в этом значении не отмечен в издании, содержащем подобную актуальную лексику [Словарь перемен 2015]. Но почему-то не зафиксировано *Манежка* (массовые беспорядки 11 декабря 2010 года на Манежной площади в Москве).

Добавлены статьи: ГОВНОРАШКА... *Сниж. груб. презр. О России как стране* (т. 1, с. 156); РАШКА... *Фам. пренебр. или презр. О России*; РАШИСТ... *Сниж. бран. О россиянце с агрессивными захватническими амбициями* [Химик 2017, т. 2: 237].

Обратим внимание и на оценочные номинации представителей национальных (этнических) групп. Подобные номинации были полно представлены и в Словаре-1 (впервые были зафиксированы *жидомасон, жидяра, косоглазый* и др.), в Словаре-2 добавлены и другие — всем понятные, но не имеющие словарной фиксации, например: ПЕЙСАТЫЙ... *Груб. презр. О еврее (обычно оскорбительно)* [Химик 2017, т. 2: 77]. Ср.: *пейсатый — имеющий пейсы* [БАС-3, т. 15: 532]. Отметим, что в толкованиях слов указанной группы в Словаре-1 и Словаре-2 автором учтена особенность их семантики (регулярный метонимический перенос). Так: АЗЕР... *Молод. унич. или неодобр. Об азербайджанце; о любом кавказце или азиате* [Химик 2017, т. 1: 20] (спорна, однако, отнесенность слова к молодежным). Ср.: *азер — азербайджанец, пребывающий на территории России* [Толковый словарь русской

разговорной речи 2014: 39]. Последнее толкование, как представляется, заужено и несколько нелогично: вряд ли употребляющий это слово называет азербайджанцев, проживающих вне России, иной номинацией. Фиксация нечасто встречающихся в живой речи номинаций, таких как ФРАНЦУЗ... Эвфем. О евреях; о том, в ком его подозревают [Химик 2017, т. 2: 401], тоже представляется экспертно важной: трудно предугадать, какая лексика будет в ходу у тех, кто «порождает» спорные тексты. Об анализе таких единиц и интерпретации лексикографического материала при производстве лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз см. [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011, 2014].

Несколько замечаний к статье НАЦМЕН... О том, кто принадлежит к национальным меньшинствам, напр., о лицах неславянских национальностей (обычно о кавказцах, среднеазиатах) [Химик 2017, т. 1: 501]. Совершенно справедливое указание на сужение объема номинации (кавказцы, среднеазиаты) было бы неплохо дополнить указанием на экспрессивную оценку — *неодобр.*, *пренебр.* См., например: «нацмен — в просторечии представитель национального меньшинства, но фактически так называли любого советского человека нерусской национальности, нередко с пренебрежительным оттенком» [Хевеши 2004: 101]. Видимо, *нацмен* «наследовало» презрительную, пренебрежительную оценку слова *инородец*. См. замечание А. М. Селищева: «Под воздействием освободительных лозунгов революции, а также под влиянием программы коммунистической партии и мероприятий советского правительства происходит обостренное пробуждение национального сознания в среде интеллигенции народов России. Прежнее название их „инородцы“ считается оскорбительным. Вводится новый термин: *нацмены* — национальные меньшинства» [Селищев 1928: 110].

В Словаре-2 последовательно выделен компонент значения «энергичное действие с конкретизацией ударить»: *ебануть*, *вхуячить*, *въебать*, *влепить*, *вкатить*, *вломить*, *грохнуть* и под.

Представлен достаточно полный репертуар: 1) орфографических вариантов: *запендюрить*, *запиндюрить*; *засыха*, *засциха*; *зафинтилить*, *зафиндилить*; *зэк*, *зек* (и производные); *зажухариться*, *зажухериться*; *звиздец*, *звездец*; *кабздец*, *канздец*, *кобздец*; *мерехлюндия*, *мерихлюндия*, *мерлехлюндия* и др.; в том числе образованные от аббревиатур: *кагебист*, *каэбист*, *кэгэбист* и др., 2) редуцированных форм русской речи, так

называемых аллегровых форм (о таких формах см., напр.: [Стойка 2017]): *эпт*, *ваще*, *када*, *моно* (= можно), *чё*, *чек* (= человек), *щас* и мн. др.

Отмечено изменение ударения в некоторых устойчивых оборотах, например: *губА не дура*, ср.: *гУба не дура* [Еськова 2014: 94] — хотя именно такое ударение уместно при трансляции речи, относимой к XIX в.

Оригинально представлено происхождение некоторых слов и значений. С одной стороны, самим выбором словарной единицы: после специального знака следует нейтральная, нормативная единица в переносном значении (например, *война* — *военные учения*), либо происхождение указывается при помощи помет — сокращенных слов: *англ.* (английское), *греч.* (греческое), *итал.* (итальянское) и т. п., *перен.* (переносное), *эвфем.* (эвфемизм), *дисф.* (дисфемизм). С другой стороны, в ряде словарных статей после условного знака □ предлагаются достаточно полные сведения об источнике слова, фразы (и это формирует культурологический аспект Словаря-2) либо этимологические справки, в некоторых случаях в форме предположения.

Так, в статье на слово ПАЦАН сообщается: *Первонач. южно-русс. жарг.-прост., возм. из иврита (поц — ‘крайняя плоть’)* [Химик 2017, т. 2: 75]. Возможно, не помешала бы и иная этимология: «вероятно, произв. с суф. -ан от диал. юж. пац-юк ‘поросенок, крыса’... связано с межд. возгласами, служащими для подзывания свиней, ср. укр. паць» [ТСШ]. Уместно напомнить полное негодования письмо, адресованное Н. Ю. Шведовой, о слове *пацан*: «Уважаемый профессор Шведова! Прошу Вас объяснить мне, почему в Словарь русского языка С. И. Ожегова 1978 года издания включено слово *пацан*? В этом же словаре, но 1953 года издания, этого слова нет. И правильно, что его нет. Если бы был жив Сергей Иванович Ожегов, он не допустил бы этого так называемого „слова“ в русский словарь. Потому что оно нерусское.

А какова этимология этого слова? Оно происходит от ругательства в еврейском языке — не буду вдаваться в детали, так как вы располагаете большими возможностями для уточнения этимологии жаргона. И в Ваших силах было не допустить засорения русского языка бранью различного происхождения» [Сафонова 2001: 298]. Ср., однако, точку зрения И. Г. Добродомова [Добродомов 2009].

Спорным представляется толкование слова *байкер* (по нашим наблюдениям, этому слову фатально не везет из словаря в

словарь). В Словаре-2 БАЙКЕР... *Молод. или спорт. Член молодежной группировки, культивирующей экстремальную езду на мощных мотоциклах* [Химик 2017, т. 1: 35, 36]. Ср. в других источниках: *байкер — страстный любитель езды на мотоцикле — член неформальной группировки; рокер; моторокер* [Новые слова и значения, т. 1: 2009: 123]; *байкер — представитель городской молодежи, возведший в культ лихую езду на мотоцикле* [Толковый словарь русской разговорной речи 2014: 69]. Что не так? Отнесенность к группировке явно надумана либо извлечена из контекстов, тогда как основной компонент значения, отмеченный в одном из словарей — *любитель (определенной езды на определенном виде транспорта)*. Вообще упоминание в толкованиях слов «группировка» вряд ли корректно, такую отнесенность, скорее всего, должны определять специалисты нелингвистического профиля.

Не совсем удачным представляется и толкование слова «скин» — *молод. Скинхед — представитель молодежной ультраправой субкультуры скинхедов („бритоголовых“) или одного из ее агрессивных ответвлений* [Химик 2017, т. 2: 276]. Нет картинка, кто это? Тогда как самое главное в скинхедах, скинах — их мировоззрение, соответственно можно предложить такое толкование: воинствующий приверженец идеологии нацизма, фашизма, расизма.

Ср. также *скин, скинхед, скинхедс* в других источниках:

Скинхед... Участник, член движения скинхедс (см.);

Скинхедс, неизм., м. „Бритоголовые“ — члены некоторых ультраправых организаций на Западе (первоначально — в Англии) [Новые слова и значения 1997: 748];

Скинхед[ы] — члены политизированных неонацистских полувоенных группировок в ряде стран (сокр. — скин[ы]) [Краткий словарь современных понятий и терминов 2000: 508];

Скинхеды — молодежная группировка, в агрессивной форме выступающая за идеи национализма и патриотизма; представители этой группировки; бритоголовые [Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика 2008: 922, 923];

Скинхед — „Бритоголовый“ — член молодежной группировки, агрессивно настроенный по отношению к людям иных рас и национальностей (характерный признак внешности таких молодых людей — бритая наголо голова, отсюда название). Скин (жарг.) — то же, что скинхед [Крысин 2009: 238];

Скинхед — Член молодежной группи-

ровки, агрессивно настроенной по отношению к людям иных рас и национальностей (характерный признак внешности таких молодых людей — бритая наголо голова); бритоголовый [Григоренко 2009: 377, 378];

Скины — Участники неформального молодежного движения, для представителей которого характерны радикальные националистические взгляды и особый внешний вид: тяжелые ботинки, армейские брюки и бритая голова; бритоголовые, скинхеды [Новые слова и значения 2014: 836].

Есть и другие замечания, заметки (спасибо, конечно, издателям, но одной страницы «Для заметок» мне маловато): пропуск очень «обиходных», понятных всем слов, например, *переобуть* (машину), и слов, понятных немногочисленным (слава богу!) сообществам, например: *зиговать, зига* и др. Все вопросы, заметки, всех «потеряшек» (в Словаре-2 есть это слово) передам автору с благодарностью от любознательного читателя-рецензента за инициирование языковой рефлексии и речевой практики (в том числе экспертной).

Да, и еще: Словарь-2 (впрочем, как и Словарь-1) нужен, необходим экспертам-лингвистам в их повседневной работе. Для них это надежный лексикографический источник.

Рецензируемый словарь вышел в 2017 г. — в год 100-летия Октябрьской революции. Нет сомнения, что события 90-х годов XX в. порождены именно ею и революционны в не меньшей степени. В 1925 г. А. М. Селищев, обращаясь к преподавателям, педагогам в статье «Революция и язык», писал: «Весьма важно собрать на местах материал, указывающий на изменения значения слов, и охарактеризовать направление, в каком происходят эти изменения... Изменение значения прежних слов происходит вообще в жизни социальных групп». Актуально, так что «пока не поздно, припомните и запишите вышедшие из употребления слова революционного времени и при каждом из них отметьте значение его. Это — важный документ для истории русской революции» [Селищев 1968: 144, 145]. Ждем...

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

1. БАС-1 = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948—1965.
2. БАС-3 = Большой академический словарь русского языка. Т. 1—23. М. ; СПб. : Наука, 2004—2014.
3. МАС = Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.
4. СОШ = Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азбуковник, 1992. 944 с.
5. СРНГ = Словарь русских народных говоров. Вып. 18.

2-е изд. — СПб. : Наука, 2002. 368 с.

6. СУ = Толковый словарь русского языка : в 4 т. — М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935—1940.

7. ТСШ = Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Азбуковник, 2007. 1175 с.

ЛИТЕРАТУРА

8. Бодуэн де Куртенэ И. А. Послесловие к 3-му, испр. и доп. изд. Словаря Даля // Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Изд. 3-е. Т. 4. — М. : Прогресс : Универс, 1999. С. I—XII.

9. Большой академический словарь русского языка. Т. 9. — М. ; СПб. : Наука, 2007. 658 с.

10. Большой академический словарь русского языка. Т. 15. — М. ; СПб. : Наука, 2011. 612 с.

11. Герд А. Жаргонология: предмет, объект и типы единиц // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. — М. : ЭЛПИС, 2005. С. 614—621.

12. Григоренко О. В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы. — Воронеж : Научная книга, 2009. 517 с.

13. Добродомов И. Г. Из истории одного жаргонизма (пацан) // Prawda — prawdy — miły — fałsze w językoznawstwie. — Warszawa, 2009. С. 9—36.

14. Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 536 с.

15. Изотова Т. М., Кузнецов В. А., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении : науч.-информ. пособие для экспертов. — М. : ФБУ ГФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 90 с.

16. Краткий словарь современных понятий и терминов / Н. Т. Бунимович, Г. Г. Жаркова, Т. М. Корнилова и др. ; сост. и общ. ред. В. А. Макаренко. 3-е изд., дораб. и доп. — М. : Республика, 2000. 670 с.

17. Крысин Л. П. 1000 новых иностранных слов. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 320 с.

18. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секараж Т. Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. — М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 326 с.

19. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секараж Т. Методика проведения психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. — М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

20. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы). — СПб. : Норинт, 2003. 448 с.

21. Новые слова и значения : слов.-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / под ред. Е. А. Левашова. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 904 с.

22. Новые слова и значения : слов.-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. В 2 т. Т. 1 / отв. ред. Т. Н. Буцева. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. 816 с.

23. Новые слова и значения : слов.-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. В 3 т. Т. 3 / отв.

ред. Т. Н. Буцева. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 1360 с.

24. Плущер-Сарно А. Большой словарь мата. Т. 1. — СПб. : Лимбус Пресс, 2001. 392 с.

25. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3 / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Азбуковник, 2003. 720 с.

26. Сафонова Ю. А. «Все замечания и пожелания просьба направлять в издательство... или автору» // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. — М. : Индрик, 2001. С. 291—317.

27. Селищев А. М. Революция и язык // Избр. тр. / А. М. Селищев. — М. : Просвещение, 1968. 640 с.

28. Селищев А. М. Язык революционной эпохи : из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). — М. : Работник просвещения, 1928. 248 с.

29. Словарь перемен — 2014 / сост. М. Вишневецкая. — М. : Три квадрата, 2015. 224 с.

30. Словарь современного русского города / под ред. В. И. Осипова. — М. : Русские словари : Астрель : АСТ : Транзиткнига, 2003. 565 с.

31. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 6. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1957.

32. Словарь русского языка. В 4-х т. Т. 2. 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. 736 с.

33. Стойка Д. А. Редуцированные формы русской речи: лингвистический и экстралингвистический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2017.

34. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / под ред. Д. Н. Ушакова. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1938. 1040 с.

35. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. — М. : Эксмо, 2008. 1136 с.

36. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А—И / отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : Языки славянской культуры, 2014. 776 с.

37. Трубачев О. Н. Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера // Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — М. : Прогресс, 1986. Т. 1. С. 563—573.

38. Трубачев О. Н. Этимологические мелочи (1. выпендриваться, 2. гримза, 3. драндулет, 4. в пику, 5. стуколка, 6. фифа, 7. шкет) // Этимология: принципы реконструкции и методы исследования. — М. : Наука, 1965. С. 131—134.

39. Хевеши М. А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. Изд. 2-е, доп. — М. : Международные отношения, 2004. 192 с.

40. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб. : Норинт, 2004. 768 с.

41. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000.

42. Химик В. В. Русская разговорная речь: осмеяние объекта // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. — М. : ЭЛПИС, 2005. С. 670—676.

43. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2 т. — СПб. : Златоуст, 2017. Т. 1. 528 с.; Т. 2. 532 с.

J. A. Safonova

Moscow, Russia

SUGGESTED CIRCUMSTANCES OF EVERYDAY USE AND ITS VERBAL INVENTORY

ABSTRACT. This is a critical review of the dictionary: V. V. Khimik, *Explanatory Dictionary of Colloquial and Everyday Russian*. 2 volumes. St. Petersburg. Zlatoust, 2017. — Vol. 1. — 528 pages; Vol. 2. — 532 pages. This is as a general overview of the *Explanatory Dictionary of Colloquial and Everyday Russian* by V. V. Khimik. The author presents the lexical and semantic corpus of colloquial and everyday language as a variety of the national Russian language, using the suggested boundaries. The upper boundary is the Russian literary norm (language standard), neutral vocabulary and basic grammar. The lower boundary is a graded measurement of the rate, or degree, to which words and meanings deteriorate (from the least deterioration, i.e. words used in free communication, to extremely deteriorated obscene language units, such as swearwords and bad language, unacceptable and prohibited in public speech). A sophisticated cross-labeling system can be used for estimation of a speaker's inventory (and, therefore, the speaker) and whether this inventory is aligned with common trends. Consequently, with the language standard acting as the background for the corpus, the dictionary demonstrates colloquial and everyday language units not in an artificial, "chemically pure" environment, but in circumstances suggested and, moreover, determined by everyday use of the language. Such approach is important when performing linguistic evaluation of disputable texts, which makes the dictionary under

review an essential tool of a language expert.

KEYWORDS: colloquial speech; practical lexicography; the Russian language; explanatory dictionary; linguistic expertise.

ABOUT THE AUTHOR: Safonova Julia Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Academic Advisor of Gramota.ru, Moscow, Russia.

REFERENCES

1. BAS-1 = Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t. M. ; L. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1948—1965.
2. BAS-3 = Bol'shoy akademicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 1—23. M. ; SPb. : Nauka, 2004—2014.
3. MAS = Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy ; pod red. A. P. Evgen'evoy. 4-e izd., ster. — M. : Rus. yaz. : Poligrafresursy, 1999.
4. SOSh = Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M. : Azbukovnik, 1992. 944 s.
5. SRNG = Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 18. 2-e izd. — SPb. : Nauka, 2002. 368 s.
6. SU = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 4 t. — M. : Sov. entsikl. : OGIZ, 1935—1940.
7. TSSH = Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov / gl. red. N. Yu. Shvedova. — M. : Azbukovnik, 2007. 1175 s.
8. Boduen de Kurtene I. A. Posleslovie k 3-mu, ispr. i dop. izd. Slovarya Dalya // Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka / V. I. Dal' ; pod red. I. A. Boduena de Kurtene. Izd. 3-e. T. 4. — M. : Progress : Univers, 1999. S. I—XII.
9. Bol'shoy akademicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 9. — M. ; SPb. : Nauka, 2007. 658 s.
10. Bol'shoy akademicheskij slovar' russkogo yazyka. T. 15. — M. ; SPb. : Nauka, 2011. 612 s.
11. Gerd A. Zhargonologiya: predmet, ob'ekt i tipy edinits // Grani slova : sb. nauch. st. k 65-letiyu prof. V. M. Mokienko. — M. : ELPIS, 2005. S. 614—621.
12. Grigorenko O. V. Novye naimenovaniya lits v sovremen-nom russkom yazyke. Slovarnye materialy. — Voronezh : Nauch-naya kniga, 2009. 517 s.
13. Dobrodomov I. G. Iz istorii odnogo zhargonizma (patsan) // Prawda — prawdy — mity — falsze w językoznawstwie. — Warszawa, 2009. S. 9—36.
14. Es'kova N. A. Slovar' trudnostey russkogo yazyka. Uda-renie. Grammaticheskie formy. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 536 s.
15. Izotova T. M., Kuznetsov V. A., Plotnikova A. M. Sudeb-naya lingvisticheskaya ekspertiza po delam ob oskorblenii : nauch.-inform. posobie dlya ekspertov. — M. : FBU GFTsSE pri Minyuste Rossii, 2016. 90 s.
16. Kratkiy slovar' sovremennyy ponyatiy i terminov / N. T. Bu-nimovich, G. G. Zharkova, T. M. Kornilova i dr. ; sost. i obshch. red. V. A. Makarenko. 3-e izd., dorab. i dop. — M. : Respublika, 2000. 670 s.
17. Krysin L. P. 1000 novykh inostrannykh slov. — M. : AST-PRESS KNIGA, 2009. 320 s.
18. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. Teore-ticheskie i metodicheskie osnovy proizvodstva sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu. — M. : FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2011. 326 s.
19. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. Metodika provedeniya psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu i ter-rorizmu. — M. : FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2014. 98 s.
20. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Slovar' russkoy brani (matizmy, obstszenizmy, evfemizmy). — SPb. : Norint, 2003. 448 s.
21. Novye slova i znacheniya : slov.-spravochnik po materialam pressy i literatury 80-kh godov / pod red. E. A. Levashova. — SPb. : Dmitriy Bulanin, 1997. 904 s.
22. Novye slova i znacheniya : slov.-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka. V 2 t. T. 1 / otv. red. T. N. Butseva. — SPb. : Dmitriy Bulanin, 2009. 816 s.
23. Novye slova i znacheniya : slov.-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka. V 3 t. T. 3 / otv. red. T. N. Butseva. — SPb. : Dmitriy Bulanin, 2014. 1360 s.
24. Plutser-Sarno A. Bol'shoy slovar' mata. T. 1. — SPb. : Lim-bus Press, 2001. 392 s.
25. Russkiy semanticheskij slovar'. Tolkovyy slovar', sistema-tizirovannyy po klassam slov i znacheniy. T. 3 / pod obshch. red. N. Yu. Shvedovoy. — M. : Azbukovnik, 2003. 720 s.
26. Safonova Yu. A. «Vse zamechaniya i pozhelaniya pros'ba napravlyat' v izdatel'ctvo... ili avtoru» // Slovar' i kul'tura russkoy rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova. — M. : Indrik, 2001. S. 291—317.
27. Selishchev A. M. Revolyutsiya i yazyk // Izbr. tr. / A. M. Se-lishchev. — M. : Prosveshchenie, 1968. 640 s.
28. Selishchev A. M. Yazyk revolyutsionnoy epokhi : iz nablyudeniya nad russkim yazykom poslednikh let (1917—1926). — M. : Rabotnik prosveshcheniya, 1928. 248 s.
29. Slovar' peremen — 2014 / sost. M. Vishnevetskaya. — M. : Tri kvadrata, 2015. 224 s.
30. Slovar' sovremennogo russkogo goroda / pod red. V. I. Osi-pova. — M. : Russkie slovari : Astrel' : AST : Tranzitkniga, 2003. 565 s.
31. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. T. 6. — M. ; L. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957.
32. Slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t. T. 2. 4-e izd., ster. — M. : Rus. yaz. : Poligrafresursy, 1999. 736 s.
33. Stoyka D. A. Redutsirovannyye formy russkoy rechi: lingvisticheskij i ekstralingvisticheskij aspekty : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — SPb., 2017.
34. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. T. 2 / pod red. D. N. Ushakova. — M. : Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1938. 1040 s.
35. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Ak-tual'naya leksika / pod red. G. N. Sklyarevskoy. — M. : Eksmo, 2008. 1136 s.
36. Tolkovyy slovar' russkoy razgovornoj rechi. Vyp. 1. A—I / otv. red. L. P. Krysin. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014. 776 s.
37. Trubachev O. N. Posleslovie ko vtoromu izdaniyu «Etim-ologicheskogo slovarya russkogo yazyka» M. Fasmera // Etim-ologicheskij slovar' russkogo yazyka / M. Fasmer. — M. : Pro-gress, 1986. T. 1. S. 563—573.
38. Trubachev O. N. Etimologicheskie melochi (1. vypendri-vat'sya, 2. grymza, 3. drandulet, 4. v piku, 5. stukolka, 6. fifa, 7. shket) // Etimologiya: printsipy rekonstruktsii i metody issle-dovaniya. — M. : Nauka, 1965. S. 131—134.
39. Kheveshi M. A. Tolkovyy slovar' ideologicheskikh i po-liticheskikh terminov sovetskogo perioda. Izd. 2-e, dop. — M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. 192 s.
40. Khimik V. V. Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoj eks-pressivnoy rechi. — SPb. : Norint, 2004. 768 s.
41. Khimik V. V. Poetika nizkogo, ili Prostorechie kak kul'turnyy fenomen. — SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2000.
42. Khimik V. V. Russkaya razgovornaya rech': osmeyanie ob'ekta // Grani slova : sb. nauch. st. k 65-letiyu prof. V. M. Mo-kienko. — M. : ELPIS, 2005. S. 670—676.
43. Khimik V. V. Tolkovyy slovar' russkoy razgovorno-obikhodnoy rechi. V 2 t. — SPb. : Zlatoust, 2017. T. 1. 528 s.; T. 2. 532 s.